

Абди-Жамил НУРПЕИС

И БЫЛ ДЕНЬ... И БЫЛА НОЧЬ...

Роман в двух книгах

Перевод Анатолия КИМА

Продолжение. Начало в № 10–12, 2024.

Книга первая

И БЫЛ ДЕНЬ...

* * *

Как-то раз, приехав в Алма-Ату, узнал, что где-то проходит дискуссия по проблемам Арала. Когда пришёл туда, огромный зал был набит битком. Ты был не из приглашённых, и потому незаметно присел на свободное место с краешку. Председательствовал на собрании Азим, он сидел в центре президиума, а рядом, справа, восседал толстяк с тёмным, как чугун, тяжёлым лицом.

Ты его заметил ещё с самого начала, когда десятка два людей в галстуках высыпали из глубины сцены к столу президиума. Словно раскормленный кот, толстяк увалисто и грузно поспешал за Азимом, возглавлявшим шествие именитых учёных. При виде чугуннолицего ты встрепенулся. Тебе показалось, что где-то с ним встречался. Мысленно пролистывая в памяти минувшие дни своей жизни, ты прослушал вступительное слово Азима. Стало досадно, но, взглянув на толстяка вновь... «Апырай, – думал ты, – это было, кажется... да, да, после окончания института, когда, напевая “Арал мой, Арал, синее раздолье”, на крыльях радости ты примчался в отчие края... По-моему, это тот малый, что сидел тогда в тесном душном кабинетике, куда ты залетел однажды жарким полуднем во дни своих юношеских надежд и отчаяния? В самом деле, не он ли это?! Ну-ка, ну-ка, посмейся! При смехе, Бог свидетель, как и тогда, должно заковыкаться его брюхо, вываливающееся из-под пиджака, и затрясутся жирные складки двойного подбородка, а коротенькие руки-ласты захлопают по тюленьим бокам...»

Слышал ты, что тот толстяк из рода Жакаим, защитив кандидатскую, перебрался будто бы в столицу. Ты был удивлён. Никак не укладывалось в голове, что из того разомлевшего от жары и безделья малого когда-нибудь мог получиться кандидат каких бы то ни было наук. И уж совершенно немыслимо было предположить, что не кто иной, а именно он, толстяк Жакаим, очутившись по прихоти судьбы в столице, взлетит настолько высоко, что сможет так вот запросто сидеть рядом с самим Азимом. Мало того, вместе с ним вести за собой, точно архар-вожак, весь этот табун учёных... Сбитый с толку, ты дивился великой несообразности жизни.

Между тем место рядом с тобой занял какой-то вертлявый человечек. Тебя снедало любопытство, и ты, не утерпев всё-таки, спросил его, кто этот толстяк.

– Так это Жаке! – ответил тот, с явным неодобрением скосив на тебя свои пуговки-глазки. В них читалось возмущение: «Откуда ты такой взялся, что даже самого Жаке не знаешь?!» Ты впрямь малость сконфузился своей темноты, но, посидев немного, наклонился к соседу с другой стороны. На нём был мятый

вельветовый костюм и такая же мягкая сорочка с расстёгнутым воротом. Он как сел ещё в начале совещания, отвалившись на спинку стула, вытянув перед собой ноги, скрестив руки на груди, так и сидел всё с той же едкой, насмешливой гримасой на лице. Когда ты осведомился у него, кто этот толстяк в президиуме, странный сосед хмыкнул, а потом не то насмешливо, не то с подчёркнутым подострастием указал перстом в потолок и загадочно протянул:

– О-о, тот са-а-мый!..

Два невразумительных, но явно разноречивых ответа твоих соседей оставили тебя в большом недоумении. Между тем на трибуну поднялся высокий белолицый молодой человек. Пробежав взглядом клочок бумажки, он, чуть выдержав паузу, обратился к притихшему залу:

– Как некогда предки наши, собиравшиеся каждый божий день на холме Куль-Тобе, мы также стали собираться, если и не ежедневно, то через день уж точно. Вот и сегодня собрались снова. И снова будем говорить всё о том же. Как повернуть Амударью вспять, как перекрыть русло Сырдарьи, чтобы быстрее усохло, исчезло с лица земли Аральское море? Вот тогда, мол, покорив природу, заживём припеваючи, как в раю. Об этом мы неустанно пишем везде и всюду. И темы наших диссертаций, монографий о том же. И в каждой бумажке, засылаемой в Большой Дом, опять-таки не преминем заверить правительство, что, мол, успешно исправляем досадные ошибки природы. При этом невдомёк нам, что уже сейчас Кызыл-Ординская область и вся земля Каракалпакии стонет, задыхаясь от соли, поднятой с обнажившегося дна моря...

И тут зал заволновался, зашумел:

– Эй, слышите? Что за чушь он несёт?!

– Опять свою старую песенку затянул!

– Послушаешь его, так небо с овчинку, а земля с потник подседельный покажется.

Но молодой учёный резко пресёк нападку:

– Не для нас, а для таких, как вы, небо окажется с овчинку, а земля с потник. Во всём мире сейчас немало чудотворцев-реформаторов от науки, всякой своекорыстной бесовни, которые в угоду своей ненасытной алчности стремятся из страданий и бед незащитной природы извлечь для себя выгоду. Такие же чудотворцы нашлись и в туманном Альбионе. По проектам английских покорителей природы великое озеро в Танзании высыхает из-за того, что вода из реки, питающей озеро, разбирается на орошение сорока тысяч гектаров рисовых полей. Великие запасы ценной рыбы уничтожены, семь тысяч бегемотов уже погибло. Вымирают крокодилы. Могучие слоны изгнаны с их родных равнин, занятых рисовыми плантациями. Всего за каких-то шесть лет британская «научная помощь» привела роскошное царство зверей на край гибели. Рис вместо слонов – вот какой выбор сделали эти реформаторы природы.

– Нет, вы слышите, товарищи? Мало ему наших, так он решил шельмовать учёных всего мира!

– Нет, дорогой... Я лишь говорю о том, что горечью сердце моё разъедает. Многие, возможно, и не догадываются, а кто-то уже давно понял, что... если кардинально не пересмотреть нынешнее отношение к природе, то человечество неминуемо придёт к своему уничтожению.

Выпалив это, молодой учёный спустился с трибуны, но не успел дойти до своего места, как твой сосед с глазками-пуговками вскочил:

– Конец Арала, что это – конец света? Кому-кому, а тебе-то известно, что академик Азим Сулейменович собирается распахать плодородную...

– Что-что?.. Плодородную?

– Да, плодородную. Лабораторные анализы подтвердили: земля на дне высохшего моря оказалась настолько плодородной, знаете, что, по предварительным подсчётам академика Азима Сулейменовича, мы вполне можем получать ежегодно около полу-у-тора милли-и-о-нов тонн хлопка! А он, этот научный сутяга...

– Этот научный сутяга, как вы изволили его называть, верно рассужда-ет... Глумиться над... на-а-д природой... кхе... кхе-е-е...

Все разом обернулись на внезапный, как выстрел, голос, раздавшийся откуда-то со стороны. В ту же сторону глянул и ты. И увидел человека, который возвышался над головами собравшихся в зале людей, словно восседал на верблюде. Сидел, низко клоня голову, ссутулившись, желая, видимо, таким манером скрыть непомерную длину своего нескладного тела. Но как бы низко он ни склонялся, всё равно не заметить его было невозможно. Ты недоумевал, всё больше изумляясь, каким образом столь же непомерно длинная, как весь он сам, тоненькая шея может удерживать, не давая упасть, эту несуразную, огромную, будто тыква, голову человека? «Интересно, кто он такой? Случаем, не большой ли какой-нибудь? Но погоди... кажется, где-то я его...»

И тут народ вокруг разволновался и зашумел.

– Эй, что он сказал? Кто глумится? Над кем глумится?

– Я говорю... Если мы... кха-а... кха-а... не перестанем глумиться над природой... по-мя-ни-те мои слова, дождёмся мирового ка-так-лиз-ма-аа... к-ха... к-ха...

– Астапыр-алла! Ката-клизма?! Что за ересь!

– Это не ересь. Сам Энгельс ещё сказал, да будь благословенна его борода, задолго до нас с вами.

– Прекрати! Не глумись! Не впутывай сюда великого вождя.

– О конце света, предсказанном во всех священных книгах, говорил и Энгельс. Самый убеждённый, кстати, атеист.

– Замолчи! Не может этого быть!

– Ещё как может... кха-кха... кха-а... Когда вышел его гениальный труд «Диалектика природы», оппоненты спросили его: «Так что, после утверждения коммунизма на земле жизнь остановится? Что, уже не будет дальнейшего развития человечества?» Как видите, вопрос резонный и непростой. И Энгельс был человек непростой. Он, говорят, даже малость призадумался... кха-кха... кха-а...

– Ну и что... Как он ответил?

– Как, по-вашему, может ответить честный, серьёзный человек? Коммунизм, сказал он, явится золотым веком, высшей фазой развития человеческого общества. Но жизнь, но природа не могут стоять на месте, сказал он. И, как надо было ожидать от великого гражданина мира и серьёзного учёного, за этим последовал честный ответ. «Быть может, – сказал он, – наступит эра мировых катаклизмов». Как видите, истинный диалектик победил в нём идеолога-догматика!

– Ерунда всё это! Выдумываешь, вот что! Не может такого сказать! Не верим, не верим мы тебе!

– Дело твоё. Но факт – вещь упрямая. Если уж вы, как заявляете, научились успешно поворачивать реки вспять, а моря осушать... кха-кха... видите... вон, на планете уже прозрачной воды, чистого воздуха становится всё меньше. Чтобы люди могли вдохнуть глоток-другой живительного воздуха, в некоторых городах-гигантах на улицах устанавливают уже автоматы, подобные автоматам с газированной водой. Дорогой учёный-новатор... покоритель природы, всё это происходит уже сейчас. А завтра... лет через сто... двести?... Или после нас хоть потоп?..

– Я вижу, ты пессимист... Видимо, знать не хочешь, что наш институт, возглавляемый академиком Азимом Сулейменовичем, занят не столько покорением, сколько облагораживанием природы!

– Откуда ему, недоучке, знать об этом, если он за столько лет не смог даже кандидатскую... Ха-ха-ха...

И тут, похоже, на тыквоголового накатил приступ. Он вдруг сложился пополам и, прикрывая руками рот, зашёлся в жестоком кашле. Словно от судорог, сотрясались голова, плечи его и спина. Никто не проронил ни звука.

И тут, не выдержав, вскочил со своего места бледнолицый:

– Чего смеётесь? Над чем смеётесь? Если силы у вас в самом деле немалые, стройте, созидайте, преобразуйте всё подряд! Только не смейте трогать природу! Побойтесь Бога! И праведного гнева матери-земли!

– Эй, дорогой, мы не меньше тебя любим природу! Если мы пашем, сеем, выращиваем хлеб, выращиваем хлопок или, скажем, города строим, то это делается ради того, чтобы святая мать-земля, как ты сказал, стала ещё краше!

– Да замолчите вы! – махнул рукой тыквоголовый, который уже пришёл в себя. – Ваши истинные намерения видны за версту. Если такие учёные, как туркменский академик Бабаев или как наш почётный академик Сулейменович, будут и впредь баловаться с природой, как озорные злые... к-хе, к-хе... дети с игрушкой, то, помя-ни-те мои слова: великая прародительница природа обрушит сокрушительные бедствия на весь род человеческий... и... и на весь наш мир... кхе-кха-а-а... Вы же об этом – ни слова...

– Кто это?..

– Наш сотрудник, представьте себе.

– Неужели? Что-то раньше я его не видел.

– И немудрено! Он каждый год по весне сматывается на Арал.

– Вот как? Вообще, кто он такой? Кандидат – не кандидат. Доктор – не доктор. Как прикажете его величать?

– Не затрудняйтесь. Просто рядовой сотрудник института. МНС.

– Тогда, скажи-ка на милость, рядовой сотрудник института, кто, по твоему, глумится над природой?

– Ты.

– Я? Ха-ха-ха... Ну и нахал!

– Не смейся. Знаю я тебя. Это ты и тебе подобные во главе с этим вашим... кхе-кхе...

– Каков наглец! Вон, вон отсюда!

Крики. Шум. Кое-кто сгоряча привскочил с места. С разных концов зала стали раздаваться возмущённые возгласы, на них накиннулись другие вопли. Страсти разбушевались. Пора бы вмешаться Азиму. По всему видно, что, кроме него, никого другого уже не станут слушать. Но тот и не шелохнулся...

О, он и прежде был таким! Ещё в детстве, когда ребятня в рыбацком ауле затевала драку, расквашивая друг другу носы, стоял в сторонке и непонятно ухмылялся, преспокойно наблюдая за происходящим. Тогда ещё был ему ведом принцип: «Я с теми, кто победит!»

Светлолицый молодой учёный, высказав своё, теперь сидел, отрешённо закрыв глаза, подперев голову кулаком. А тыквоголовый вовсе исчез куда-то. И ты стал соображать, как бы тоже незаметно улизнуть отсюда, не попавшись на глаза Сулейменовичу. И вдруг, вспомнив толстяка, глянул в президиум.

Смотри-ка... сидит всё так же и в той же позе, не шелохнувшись, будто кто-то взял да и насмерть прикрутил его ремнём к креслу. Нет, явно не тот,

ни капельки не похож на того малого... Когда ты перед ним неприкаянно маялся в его душном и тесном кабинете, он всё время поёрзывал, дёргался, как на ниточках, за крохотным столом, перескакивая в разговоре с пятого на десятое. А этот... Не-ет, этот будто каменный истукан. За всё время собрания ни разу задницу не оторвал от стула. Лишь время от времени, если кто-то из недоброжелателей осмеливался задеть за живое академика Сулейменовича, менялся в лице и даже бледнел.

А что же загадочный дружок твоего детства?.. Что ни говори, видать, побтёрся на высоких постах. Знает, шельмец, что здесь только один он на виду у всех. С той самой минуты, как только уселся в президиуме, замер, словно кол проглотил, решительно выдвинув подбородок вперёд, уставился прямо перед собой. И держится совсем не так, как другие. Движения, жесты рассчитаны. Каждое слово – выверено. И даже головой кивает по-особенному. Если кто-то из президиума принимался нащёптывать ему на ухо, он и тогда не оборачивался, не глядел на того. Ежели, снизойдя к кому-то, хотел невзначай головой, кивал слегка, а то и вовсе не снисходил, сохраняя на лице невозмутимое, величественное спокойствие небожителя. Когда выслушивал критику своих противников или упивался славословием, – ишь ты, сукин сын, и тут на редкость отменно управлял своими чувствами... О том, что могло твориться в душе у Азима, тебе приходилось догадываться скорее по реакции чуждого лица толстяка, примостившегося подле него справа. В отличие от Азима, у толстяка и радость, и огорчение безудержно выплёскивались наружу. Когда ораторы расточали похвалу, его широкая физиономия расплывалась в улыбке, он глядел в зал ликующими глазами, словно приглашал сидящих порадоваться вместе с ним, и аплодировал азартно, с детской непосредственностью. А если кто-то из охальников обрушивался с хулой на Азима Сулейменовича, то бедолага сразу сникал. «А что ему остаётся делать? Жить как-то надо», – усмехнулся ты про себя.

Не дожидаясь конца собрания, ты поднялся с места и вышел из зала. Остановился у выхода, где стоял кто-то поджарый, горбоносый, прислонясь плечом к дверному косяку, посасывая сигарету.

– Почтенный! А это кто? – движением головы ты указал ему на толстяка в президиуме.

Но, чёрт побери, они здесь будто сговорились между собой! И этот ответил столь же неопределённо, пренебрежительно выпятив нижнюю губу:

– Да-а... Он са-амый!.. – фыркнув своим горбатым носом, выпустил клуб табачного дыма.

«Видать, парень тот ещё фрукт».

– А как его зовут? – спросил ты.

– Жакен его зовут. А что?

– Из каких он краёв?

– С берегов околевающего моря, – горбоносый, отворачиваясь, запустил всю пятерню в свалявшиеся длинные прямые волосы, потом резким движением головы откинул патлы назад, за спину.

Ты вышел на улицу. Непонятно отчего, но вдруг напал на тебя беспричинный смех. Стоя прямо посреди тротуара, по которому сновали прохожие, поначалу фыркнул, в точности как тот парень с длинными, будто конский хвост, чёрными волосами. Затем рассмеялся, да так неудержимо, что плечи ходуном заходили. И всё не мог унять и наконец совсем откровенно уже хохотал, закрыв ладонями лицо...

– Надо же, до чего низко пала наука... – рычал себе под нос.

* * *

Да, родились вы действительно в один год. В одном ауле. Росли вместе. Вместе и аульную десятилетку закончили. Вместе попытались счастья поступить в институты. И оба, провалившись на первом же экзамене, вернулись домой. В тот же год забрали обоих в армию. Отслужив положенный срок, друзья опять чуть не день в день возвратились домой и увидели небесно-синее море, веками дремлющий Бел-Аран, свой родной, пропахший рыбой и степью аул. И ещё потом немалое время шли бок о бок по дорогам молодости, каждый, в меру своей прыти, гонясь за птицей счастья.

Не век же шагать вместе, – разошлись ваши пути. Азим, окончив институт, остался в столице. Тебя судьба вернула назад, в аул. И с песенкой «Арал, Арал мой, синее раздолье...» на устах ты вернулся в родной край. А твой друг... Он под надёжным крылышком своего дяди, знаменитого градостроителя, в парус удачи которого всегда дул попутный ветер, за короткое время сделал головокружительную карьеру, в чём ты никогда и не сомневался.

Да, уже в те далёкие послевоенные годы стройный, по-девичьи красивый, с нежным лицом мальчик заметно выделялся среди вас, дочерна загорелых и стеснительных аульных парняг. Ещё со школьной скамьи всё ему давалось завидно легко. Всё схватывал на лету и потому, уверенный в себе, в своих способностях, не корпел над учебниками, как другие. От природы независимый, раскованный, всюду был на виду. Лез напролом. На светлом, с ярким румянцем лице поблёскивали карие глаза. Где нужно было петь, – он, не робея, распевал громче всех. А там, где по кругу ходила домбра, – опять-таки яростнее других нахлёстывал-наяривал по струнам. Позднее, когда в ауле стали затеваться доселе неведомые в этих краях танцы и несмелые подростки робко жались по углам, первым выходил на круг. Если же ненароком случался конфуз – ну, скажем, вдруг срывался голос, он давал петуха и девицы прыскали в ладошку, то он и тогда ничуть не смущался, наоборот, лишь сверкнув глазами, бодро приговаривал: «Ничего-о... бывает... Зато в другой раз такое выдам – ахнете!» И действительно, в следующий раз выдавал – и пел, и наигрывал, и плясал так, что все только... ахали. За все годы учёбы в школе никто из сверстников не видел его в унынии или сомнениях.

Да, Азим неизменно верил в себя, в свою звезду. Помнится, был у вас в школе преподаватель истории, которого все боялись. Особенный страх наводил его правый стеклянный глаз. Казалось, неподвижно-упорным, всевидящим искусственным оком насквозь пронизывал всякого, когда спрашивал урок. Станный был этот учитель истории. Когда проходили Петра Великого, он заявлялся в школу в рыбацких сапогах с длинными голенищами и, объясняя урок, расхаживал по классу крупно, размашисто – ну точь-в-точь царь-работяга в ботфортах на корабельной верфи... А когда приходила пора наполеоновским походам, надвигал на лоб неизвестно где добытую широкополоую чёрную шляпу, надменно скрещивал на груди руки и мрачно, сурово, исподлобья вперял стеклянное око в притихших за партами учеников. Тогда казалось, что сам французский император воскрес и собственной персоной объявился вдруг на захолустных берегах Арала, чтобы нагнать страху на аульных сорванцов... «Двойка» по истории воспринималась как непоправимое несчастье. Однако не для Азима. Получив «пару», этот юнец с горящими на светлом лице задорными карими глазами не шмыгал носом и не опускал голову перед учителем, как все другие, а дерзко заявлял, что на следующем уроке, когда будут проходить крестьянское восстание, обязательно отхватит «пятерку». И – отхватывал!

В те годы среди вас выделялся он и сообразительностью и находчивостью. Когда ты с трудом отважился поехать в Алма-Ату, он не задумываясь махнул прямо в Москву. А когда ты вернулся в аул, завалив первый же экзамен и спустив до копейки все деньги, которые кое-как наскребла тебе мать, оказалось, что и Азим уже дома. Но, в отличие от тебя, был бодр и весел. А карманы набиты деньгами! И весь тот год родители, распекая своих детей, ставили в пример Азима: «Он хоть тоже не попустил, зато денег огрёб».

Азим, посмеиваясь, рассказывал о своих приключениях там, в Москве: того, что дал отец на дорогу, хватило ненадолго, вначале растерялся, но потом быстро сообразил, что люди и в радости, и в горести своей обращаются с письмами к вождю. И он тоже решил попытать счастья. Но недавний выпускник аульной школы так и не мог вспомнить, с одним или двумя «с» пишется имя «Виссарион». Спрашивать у кого-либо неловко. Сбегал в киоск, купил газету и мигом разрешил сомнения. Ответ пришёл незамедлительно: Азиму посоветовали обратиться в Казпостпредство¹ в Москве. Он кинулся по указанному адресу. Поджарый, узколицый чинуша средних лет без лишних расспросов протянул ему деньги. Радостный Азим, едва ступив на порог общежития, где обитал, увидел: рыжий парень валяется на соседней койке, хлюпает носом... Выяснилось, что у незадачливого парня из деревни вытащили деньги сегодня утром, когда он стоял у газетного киоска, любуясь портретом прославленного военачальника на обложке журнала. Азим похолодел. Рука сама потянулась к карману. Он ведь тоже, возвращаясь из постпредства, любовался у того же киоска пёстрыми, как платья аульных баб, обложками журналов...

На следующее утро Азим, предварительно натерев до красноты глаза, вновь отправился по знакомому адресу. Вскоре уже стоял перед вчерашним узколицым сотрудником постпредства, потупившись, удручённо шмыгая носом... «Агай... вчера... когда от вас вышел... хотел газету купить, и там, у киоска...» – начал, подёргивая плечами, точь-в-точь как тот конопатый ротозей из деревни, и узколицый чиновник, сразу обо всём догадавшись, вздохнул: «Эх, одно горе мне с вами, аульные растяпы!» И дал такую же пачку денег, что и накануне, при этом ещё сочувственно погладил Азима по голове...

Рассказывая об этом, Азим встряхивал головой и, довольный, посмеивался: «Вот так, дорогой, я и столичных дядек вокруг пальца обвёл! Ха-ха».

Что ни говори, дети есть дети. Разве доступно им понимание сути вещей? Это с годами открываются глаза на многие премудрости бытия... Оказывается, уже в те годы сверстник твой, рождённый на белый свет в один год с тобою, на одной и той же приаральской земле, в одном и том же ауле, лелеял в потаённой глубине души главную свою неумную мысль: пусть не сородичи мои идут впереди, ведя меня за собой, а я буду идти впереди, ведя других!

Видит Аллах, он уже добился своего. Мечта сбылась. И ныне он, безусловный баловень и любимец, у всех на виду, и нет уголка в стране, где бы не был он известен и почитаем... Так-то оно так, но... но... Известно, что народ чертовски падок на всякие досужие выдумки... И если люди стали вдруг почему-то шуткачиться, то это, считай, неспроста. Да, кто-то где-то прознал... Кто-то кому-то нашептал, что над твоим другом детства сгущаются тучи. Считай, это неспроста. И вот не так давно, когда половодье на Амударье, прорвав плотину, обрушило на Арал гигантский поток стремительной, ревущей паводковой воды, к устью реки со всего конца моря ринулось его рыбное население, чтобы чуток глотнуть пресной воды. И туда же устремились рыбаки трёх народов – каракалпаки, узбеки, казахи. И ты со своими людьми вскоре был там.

¹ Постоянное представительство Казахстана.

И тут приехал к рыбакам уполномоченный из района. В его портфеле – свежий номер столичного журнала. Однажды после дневного лова, когда рыбаки собрались за дастарханом, Сары Шая вытащил из-за пазухи этот журнал.

– Ешьте, ешьте, почтенные, держите только ушки на макушке, – молвил он.

Слыл Сары Шая великим докой по части составления «погорной» на пасущийся в степи скот – верблюдов, лошадей, коров, коз-овец. Невероятным образом знал всю наличествующую живность, запоминая её не только по масти, по клейму, но даже и по насечкам на ушах, словно самолично перешутил каждую животинку. Помимо этой редкостной способности, был мастак состряпать касационную жалобу в суд, очернить кого-нибудь или, наоборот, обелить. И ещё слыл в рыбацком ауле непревзойдённым чтецом, озвучивая всё подряд, вплоть до районной газетки «Аральские волны», размером с детскую пелёнку. И до чего же звонким был его голос! Кого хочешь зачарует, заморозит.

– В журнале две статьи. Одна Азима, а другая... сейчас, сейчас, – Сары Шая засуетился, быстро пробежал глазами какие-то страницы журнала, – вторая статья какого-то М... М. Баубека-улы.

– Кто он?

– Не знаю. Какой-то М. Баубек-улы. Ну, с кого начнём?

– Давай с Азима. Как же, свой человек. Из родного аула.

– Ну давай! С Азима так с Азима.

Сары Шая мигом преобразился. Глаза заблестели. Читку начал с пафосом, подражая знаменитым дикторам, выразительно озвучивая каждое слово, но тут... Тут, не дочитав до конца первую страницу статьи, Сары Шая вдруг замолчал, словно поперхнулся, и своими немигающими кошачьими глазами в недоумении уставился на рыбаков.

– Эй... эй, что мелет этот сукин сын?

Молчали. Только что до отвала наевшиеся свежесваренной рыбы, которую высокой горкой вывалили из казана на охашку зелёного курака, они теперь сидели, осоловелые, уморённые сытой едой, привалясь друг к другу. «Этим, – думал недовольный Сары Шая, – читай ты, не читай, всё равно. Кроме как чебачков ловить в мутной воде, разве что-нибудь интересует их в жизни?» После некоторой заминки продолжил было чтение, но вдруг, опять прочитав небольшой кусочек из журнала, вновь осёкся.

– Вы только послушайте его! Будто при сегодняшнем расцвете Эн-Тэ-Эр нет от нашего Арала никакой пользы, один только вред!!!

– Довольно! Окороти! – вскричал тут старик Кошен. – Какой такой ынтгыр, пынтгыр?

– Аксакал, Эн-Тэ-Эр – это Эн-Тэ-Эр!

– Кончай! Сам ты, видать, ни хер-тыгра, ни пыр-ртыгра не понимаешь. Мы, как-никак, во времена детей балшевигов живем.

– Верно, аксакал, но... моя...

И тут очнулся чёрный от загара верзила и гаркнул:

– Мать вашу за ногу с вашими ынтгыр-пынтгыр-хертыграми! Иди и скажи мудозвону Азиму, если он такой всесильный, пусть лучше вернёт нам дедовские времена.

– Ладно. Послушаем дальше. Читай, – вмешался тут Рыжий Иван...

Сары Шая только и ждал этого: «Стоило нам повернуть вспять Амударью, – читал он, – как видим, Аральское море, оказавшись один на один с огнедышащей жарой пустыни и испепеляющим суховеем Кара-Кумов и Кызыл-Кумов, начало интенсивно отступать от своего исконного берега. Если мы таким же способом возьмёмся и за Сырдарью, уверяю вас, за каких-то двадцать – двадцать пять лет Аральское море навсегда исчезнет с лица земли».

– Астапыр-алла! Что за поганый язык у него! – не выдержав, вскрикнул кто-то из рыбаков.

– Э, что ни говори, портит человека учёба. Ведь в детстве был вроде добронравным малым, – произнёс другой.

– Брось! Отца его с чёрной до пупа бородой – не помнишь, что ли? Уж его-то никак добронравным не назовёшь. Откуда у зачатого от его дурного семени может быть добрый нрав? Тьфу! Не хочу слушать!

Вскочив с места, Кошен вышел вон. Вслед за ним встал и покинул брезентовую палатку верзила-рыбак. После небольшой заминки Сары Шая продолжил своё чтение, но тут, как назло, с теневой стороны палатки раздался могучий храп верзилы. Не обращая на это внимания, Сары Шая увлечённо читал вслух, словно перед ним не какая-то там статья, а народная лирико-эпическая поэма: «...Посеяв хлопок на стольких-то гектарах освободившейся на дне умирающего моря плодородной земли, можно получить столько-то тонн белого золота...»

Вдруг Кошен просунул голову в проём брезентовой палатки и рявкнул:

– Трепло!

Люди не успели оглянуться, как он убрал голову и, сделав всего лишь один шаг, отвернулся и, по своему обыкновению пробурчав непонятно что, начал растёгивать ширинку.

«...Посеем хлопок, – снова начал читать Сары-Шая. – ...Посеем рис... Возведём агрогорода. Построим фешенебельные дома. Белокаменные дворцы... А летними вечерами под струями фонтанов, под шелест зелёной листвы, в прохладных хаузах, на бульварах и в скверах нынешние наши Кыз-Жибек, Баян-Сулу, Лейла и Ширин будут поверять возлюбленным свои сокровенные чувства... А досточтимые наши женге с собачками на поводках станут прогуливаться вечерней порой... Так на месте высохшего моря возникнет рай земной, который не то что наяву, но даже и во сне не снился, не мог в самых смелых мечтах привидеться нашим предкам...»

– Видать, у него не все дома, – не выдержал и Рыжий Иван. – Ладно бы на том свете... Мы на этом свете мучаемся похлеще, чем в аду.

И он вышел. Вслед за ним, махнув рукой, молча последовали остальные. В брезентовой палатке остался сидеть лишь ты. На душе стало препакостно. Тебе приходилось читать не только такие бредни, но и всё, что попадало на глаза, в связи с нынешними проблемами Арала.

Оу, и без людских глупостей в последнее время не было спасу от взбесившихся приаральских ветров, песчаных ураганов, обрушивающихся по нескольку раз на дню. Особенно ожесточались бури в дни, когда запускали ракету на Байконуре. Буря неделями свирепствовала, вознося к самым небесам белую пургу соляной пыли. Эта пыль разъедала глаза до слёз, першила в носу, забивала дыхание не только людям, но и домашней скотине, и зверю в степи... «Хоть раз испытать бы Азиму на своей холёной шкуре эту собачью жизнь», – подумал ты. Неужели ни сном ни духом не ведаешь, что усыхающий Арал уже сегодня становится первым шагом на пути к неотвратимо надвигающейся вселенской катастрофе. Или?.. Постой... уж не кроется ли за всем этим неведомая нам, какая-то иная цель, которая незримо объединяет его с туркменским академиком Бабаевым?

В те дни путины в устье Амударьи этот журнал постоянно лежал под твоей подушкой. И однажды, когда выкроился часок свободного времени, ты усадил рядом с собой Рыжего Ивана и принялся читать другую статью, статью оппонента Азима Сулейменовича.

Азим неплохо владел пером. Ещё в школьные годы лихо строчил заметки в стенгазету и даже сочинял стихи. С годами рука его окрепла. Но оппонент писал сильнее, местами был обескураживающе резким.

– Апыр-ай, а, – не выдержал Рыжий Иван. – Баубек-улы, говоришь?

– Да, Баубек-улы, – не менее восхищён был и ты.

Особенно поражали обширные знания, бьющая наповал искренность этого М. Баубека-улы! Тебе и раньше приходилось читать в газетах и журналах его материалы о судьбе Аральского моря. И каждый раз ты задумывался: кто он? А в этой статье был уже бесстрашно откровенен. Тут он с пронзительной душевной болью пишет, что начиная с Байконурского и Семипалатинского полигонов, принесших народу неисчислимые бедствия и страдания, вся степь казахская постепенно и методично, из года в год превращается в бескрайний единый полигон, на котором какой уже год испытывается ядерное и химико-бактериологическое оружие. «...Недалеко, – писал этот М. Баубек-улы, – считай совсем рядом, между Каспием и Аралом, простирается могучая, привольная степь, где когда-то обитали несметные стада диких коз, сайгаков, джейранов и быстроногих куланов. А прямо за ней до самой калмыкской степи раскинулась ныне на весь мир известная Туранская низменность, за вершок, за каждую пядь которой не одно столетие бились, словно львы, поколения отчаянных воинственных орд, храбрые подвиги которых воспевались в народных сагах! И там, в той же каспийской степи, пришли на белый свет прославлять свой народ Курман-ата, Дина-аже, из двух всего лишь струн вдохновенной домбры извергавшие могучие мелодические водопады дивных кюев. Рядом с Туранской низменностью находятся отроги Уральских гор Мугоджар, а чуть южнее от них Кызыл-Орда с нефтеносным нетоптаным Кум-колем, севернее их один за другим – медный город Жезказган, Балхаш, славный кочегар страны – Караганда.

О, времена! Времена! Что же случилось с нашей необъятной, славной родиной, которую с давних времён храбро защищали предки, не выпуская ни на миг из рук копыя, не уступая даже клочка её размером со стельку? Что станет с несчастным народом? Воздух – яд. Вода – отравка. Потомство уже во чреве матери поражено роковой болезнью...»

Рыжий Иван рукою вытер глаза:

– Апырай, кто... кто же он такой?! Разбередил душу...

– Я тоже о нём думаю.

– Знаешь, кто бы ни был, но о наших краях знает не понаслышке.

– Тогда почему мы не знаем его? Впрочем... Поймай... Как-то я услышал про одного человека, который будто бы изучает Аральское море. Поговаривали, что этот человек страдает каким-то неизлечимым тяжким недугом. И вид будто у него несуразный...

– Каким бы он ни был, но, видно, за народ страдает. И видишь, жизнь свою поставил на кон. Читай, читай дальше, Жадигержан.

«...Химико-бактериологическое оружие массового поражения, которое производится и испытывается на острове Возрождения, за минувшие почти полвека успело уже наверняка пропитать собой всю почву там и отравить и воздух, и растительность. Надо полагать, неспроста в этих краях уже сейчас обнаруживается чудовищная мутация среди людей и животных. Ну, это сегодня... А что завтра?.. Скажем, море окончательно усохнет, земля острова превратится в твердь и соединится с материком. И обитающая там живность – мыши, зайцы, волки, лисицы и корсаки, разбредясь по всему огромному плато, раскинувшемуся между Аральским и Каспийским морями, не станет ли переносчиком холеры, чумы, оспы? Что тогда? Хоть кто-нибудь думает сейчас об этом? Не из-за того ли всё

это, что преобразователи природы взяли да и повернули вспять, на виду всей планеты, самую крупную и полноводную реку Центральной Азии – Амударью; ту Амударью, которую во времена Чингисхана прозвали Джейхун² из-за её дикого, необузданного нрава. И вот некогда необузданная река – обуздана. Море обречено на смерть. Люди, покинув отчий край, во-он, смотрите, разбрелись кто куда.

О, Алла!.. Разве повернутая вспять река, умирающее море, обезображенная, истощённая вконец земля и обречённый на скитания по миру народ – это не то же самое, что цунами, землетрясение, что разрушенные города, унесённые несметные человеческие жизни? Так почему же не бьёт тревогу ни одно государство? Не звонит ни один колокол? Если на иных континентах мира, в иных государствах пока что всё благополучно, их народы пока сыты, в очагах горит огонь – так что же... им вовсе нет дела до других? Почему безмолвствует ООН?»

– Постой!.. Постой-ка, – вдруг перебил тебя, схватив за руку, Рыжий Иван, – ты... ты, кажется, упомянул про какого-то больного и недужного? А как имя, фамилия у этого... ну-у, статью которого читаешь?

– Имени не знаю, а фамилия Баубек-улы. А что?..

– М. Баубек-улы, говоришь?! Не Мукан ли, случаем? А знаешь, кроме этого Баубек-улы, никто, по-моему, о проклятом острове не то что писать, даже заикнуться не смел.

– Да, никто не посмел. Время было такое, а сейчас... как-никак перестройка.

– Знаешь, Жадигержан... В прошлом году... нет, позапрошлом, проезжал мимо нашего аула в сторону каракалпаков один человек. Несуразный такой... с огромной головой. Ему стало плохо, и он целую неделю отлёживался в моём доме.

– Я его видел, когда он уходил. А звали-то его как?

– Мукан. Муканом звали. Молчаливый такой. Смурной. Кашлял всё. Не подпускал к себе детей, видимо, боялся заразить. И с нами не разговаривал. Только один раз, за день до отъезда, за чаем рассказывал про остров Возрождения, про это... химическое оружие, которое там, на острове, изготавливают. Ещё говорил и о том, что в будущем... после того, как окончательно умрёт море... может, доконают здешний народ.

– Ну, ага... выходит, это... Этот человек тот самый Баубек-улы.

– Да, тот самый. Эх, жалость-то какая! Надо же, надо же... Я бы его совсем по-другому принял.

И оба замолчали, каждый думая о своём.

* * *

Рассвет был близок. Ты провёл ночь, так и не сомкнув глаз. Назойливый звук стенных часов, гвоздями вбиваясь в мозг, сводил тебя с ума.

Наконец, не выдержав, ты остановил часы. Окончательно убедился, что жена не придёт, и не ждал её больше. Даже не думал. Не-ет, старался не думать. Обида и гнев, опалывшие душу, теперь преградили путь ревности и залегли в груди тяжёлым мёртвым грузом.

Теперь твою мысль всецело занял Азим, особенно его приезд, взбудораживший весь рыбацкий аул. Ты понимал, что он появился здесь неспроста, наверняка тут кроется неведомая тебе, кто знает, быть может, роковая причина, которая каким-то боком коснётся и тебя с Бакизат. Ты не мог усидеть, вскакивал, метался, с хрустом ломая пальцы, по безмолвному, словно вымо-

² Джейхун – свирепая.

роченному дому. Думал снова и снова об Азиме... О его странном, никак не укладывающемся в голове приезде: под покровом ночи, почти под Новый год... И в такую несусветную, казалось бы, даль!.. Как ты ни думал, терзая себя ночь напролёт, тебе было не дано разгадать истинную цель его приезда ни сейчас, ни потом. И уж тем более не дано было узнать, зачем ты, сам не ожидая того, однажды поставил на кон решительно всё, и свою жизнь тоже, пошёл на безумный, гибельный шаг, собираясь во что бы то ни стало проскочить на тот берег Сырдарьи по тонкому льду на своей драндулетине. О, превратность человеческой жизни, видимо, судьбе было угодно, чтобы в тот самый день там, в столице, Азим тоже, как и ты сегодня, томился в одиночестве у себя дома, не зная, как решится вечером его дело на бюро горкома партии.

* * *

Да, в тот день, когда твоё персональное дело должно было рассматриваться на бюро горкома партии, ты сидел дома один. Жена, накормив тебя обедом, отправилась в магазин. Тебе ни о чём не хотелось думать, тем более о предстоящем разбирательстве. Но, как это всегда бывает в таких случаях, мысли о бюро не оставляли ни на минуту, назойливо лезли в голову. Ты сидел вялый. Потерянный. И вдруг кто-то затрезвонил в дверь.

– Кто там?

Из-за двери тотчас же откликнулся угодливый голос:

– Это... Это я, я...

– Кто – «я»? – переспросил ты.

Тот, за дверью, не находя, видать, нужных слов, залебезил:

– Ну, ну... как бы это вам сказать... Ну-у, я это... родственник... Сосед вашего дяди в ауле.

– Хорошо, входи, – сказал ты.

Некто пришибленный, не кормленный с виду, в затрапезной одежонке, пробрался через порог робко, бочком, чуть не ползком. Только теперь заметив тебя, развалившегося на диване, сдёрнул с головы шапку.

– Аа-а... Вы, ну-ну... Вы, оказывается, здесь? Я... я сын племянника жены вашего дяди из аула...

Родственничек, всё больше впадая в беспокойную мелкую суету, стискивал и без того мятую шапку-малахайку с облезлым мехом и мял, комкал её обеими руками. Ты хотя и не разобрался толком ни в чём, однако понял, что и этот бедолага – один из тех обездоленных сынов Приаралья, которые в немалом количестве скитались в дни оные на чужбине в поисках хлеба насущного...

– Ну ладно, рассказывай!..

– Мы, как это... Мы... мы живём... Живём теперь в целинном крае. Когда поехали поднимать целину. Ага, ну, ну... такие вот дела. Сюда приехал поиграть в тогуз-кумалак. Ну, и потом, это... Решил проведать вас заодно... А где женгей?

– Женеше твоя больше по магазинам бегаёт, чем дома сидит.

– Ну, ну, понимаю. А как она?.. Здоровье у неё как?

– Не знаю как, а вот желудок болит. Гастрит у неё.

– А-а... Как сейчас?

– Говорю же, у неё желудок болит.

– Ну, ну... Трудно, конечно. А-а... а сами-то как?

– У меня тоже гастрит.

– Э?

– И колит вдобавок.

– Но, однако... Вид у вас... Ну, ну, ничего... не подумаешь, что... хе-хе-хе...

Если таковы теперь потомки тех аральцев, что подались когда-то в целинные края, то повода для радости при встрече, пожалуй, маловато, подумал ты. И чему-то рассмеялся, и смех твой звучал так, как звучит он неизменно уже многие годы, – хохотнул барственно, слегка подрагивая плечами.

Паренёк обрадовался, что этот с виду строгий человек неожиданно подобрел, вдруг взял да и рассмеялся. Толком ещё ничего не уразумев, гость тоже, подстраиваясь под тебя, воссиял, разинул рот от уха до уха и, хихикнув поначалу, затем шумно расхохотался. Но ты тут же напустил на себя прежнюю строгость. И, словно только теперь уразумев всю неуместность своего смеха, гость тоже поспешно смахнул с лица нелепую улыбку. Затем, не зная, как выйти из положения, вновь принял за растерянности мять в руках свою затрёпанную шапку.

– Я приехал играть в тогыз-кумалак... Ну, ну, теперь, ага... Я... я пойду?

– Хорошо, братишка.

– Теперь ты... это... ну, ну... Пойду, ага.

– Это правильно.

Как только захлопнулась дверь, ты тут же прилёг на диван. Один из твоих доброхотов из Большого Дома предупредил, что члены бюро горкома настроены решительно. Но ты не встревожился, зная, что все они относятся к тебе с должным уважением. Первый секретарь горкома ценил тебя как видного учёного. Постоянно приглашал на все мероприятия. Ты не без удовольствия вспоминал, особенно в эти смутные дни, как он, поддерживая тебя под локоток, проходил в президиум и усаживал рядом с собой.

Не без помощи первого удалось организовать столь важную для твоего института конференцию с участием учёных и специалистов-гидрологов. На повестке стоял вопрос о значении для развития народного хозяйства страны уникальной карты разведанных подземных ресурсов пресной воды, созданной под твоим руководством. Поскольку сам Большой Человек следил за ходом этой научной разработки, газеты писали взахлёб, радио вещало неумолчно. Стоило включить телевизор, на экране тут как тут возникала красивая женщина или появлялся молодой симпатичный мужчина: ах, как сладки были их речи, так сладки, будто перед выходом на экран им смазывали языки мёдом! И если в такие минуты ты бывал дома один, то непременно принимал к телевизору, подставив к экрану ухо, будто желая, чтобы сладкоголосая красавица поцеловала тебя в щеку... И тут один за другим раздавались телефонные звонки.

– Алло... Кто это?

Ты спрашивать-то спрашивал, но сам прекрасно знал, кто звонит. И эта бестия также знала, что тебе известно, кто звонит, но и он, будто ни о чём таком не догадываясь, отвечал:

– Аз-ага, это я...

– Вроде бы мы с тобой совсем недавно расстались. Случилось что-нибудь? – И опять ты спросить-то спрашивал, но нутром вдруг почувствовал, зачем ему так скоро понадобилось потревожить тебя.

– Аз-ага, вы видели по телевизору?

– Ну и что?

– Аз-ага, неужели не поняли? Все сказанное устами дикторши – мнение Большого Дома.

– Ты так думаешь?

– Не сомневайтесь, Аз-ага... Но-о тут... Ту-т толь-ко...

Ты слушаешь. Однако тот молчит. Не бульжник ли там у него в глотке застрял?

– Аз-ага, как бы это... это выразиться...

– О чём ты?

– О том, Аз-ага... неспроста предки наши говорили: отощавшую скотину откормишь – рот салом помажет...

– Тощая?.. Скотина?.. Какое отношение это имеет?..

– Имеет, ещё как имеет, Аз-ага... А тощего человека накормишь, – морду твою кровью измажет. Я говорю об этом потому... потому, что хочу сказать про этого... который приехал из Аральска...

– Тыквоголового, что ли?

– Да, о нём.

– Натворил что-то?

– Пока ещё нет. Только кто знает, что потом выкинет...

Этот бедолага опять замолк, чего-то явно недоговаривая. Что с ним сегодня происходит? Или, может, телефон испортился? Нет, в трубке слышна одышка человека, страдающего ожирением сердца... Лишь бы ничего серьёзного! Храни нас Бог! Именно сегодня... особенно сегодня... когда мы голову на кон поставили, желая испытать судьбу...

– Ну, говори наконец, что ты хочешь сказать?

– Знаете, Сулейменыч... Обычно он, этот тыквоголовый... хе-хе-хее... молчал, как вол, но... но... он вдруг, представляете, дар речи обрёл! Приходит вчера ко мне. И говорит, хочет на конференции выступить... Хе-хе-хе! Этот наш тыквоголовый Му-у... Баубек-улы.

При других обстоятельствах ты, конечно, от души посмеялся бы над неуклюжими попытками косноязычного толстяка, неподъёмного на всякие там шутки-прибаутки, который пытается кого-то выставить в смешном виде... Но на сей раз ты лишь слабо фыркнул.

– Сулейменыч, я хотел спросить: может, завтра вывесить нашу... извините, вашу карту до начала конференции?

– Что ж, вешайте.

– Потом вот о чём хотел вас попросить. Не могли бы вы завтра прийти пораньше?

Ты промолчал. Однако почувал, что и тут у Толстого Жакаима есть какой-то хитрый умысел. И, вняв его просьбе, пришёл на конференцию раньше других. Входя в институт, прямо с порога заметил огромную карту, которая занимала всю стену в фойе. И у тебя враз потеплело на душе.

Этот толстяк, с виду такой неуклюжий, неповоротливый, весь словно набитый шерстью куль, в делах, надо отдать ему должное, знает толк. И чутье у него отменное. Это ведь он сказал: «Пришло время обнародовать карту. Большой Дом на нашей стороне. Большой Человек хотя и не говорит вслух, но благоволит вам, Аз-ага. И горком партии поддерживает. Так что мы победим».

Да победить-то победили, но в тот день с утра тебе ещё не было известно, что победите. И не мог наверняка знать, как решится судьба карты. И потому не терпелось самому проверить, как участники конференции встретят твою карту. И пока никого не было, ты мигом отошёл в сторону и притаился за углом.

И вот стоишь, маешься в ожидании людей. Некая смутная тревога снедает, лишая покоя, где-то в глубине души тебя, затаившегося теперь в стороне от шумящих, как прибой перед бурей, в фойе людей.

Народ прибывал. Первыми пришли несколько человек. Судя по их виду, особенно по одежке, приехали издалека. По обыкновению вольных степняков, вошли, громко переговариваясь, будто к себе в дом, но, стоило увидеть карту,

все разом умолкли. И застыли, разглядывая её с разинутыми ртами. Не успели даже прийти в себя, как настезь распахнулась дверь и кто-то... Пстой, да э-то... Вот он вошёл. Вошёл степенно, пропуская впереди себя в дверь свой портфель, пузатый, как беременная двойней овца перед окотом. Интересно, как поведёт себя?.. Вот перешагнул порог – да так и застыл у самого входа: ишь ты, как удивлённо задрал брови. Хитёр, хитёр! Видишь, как разинул рот, будто впервые видит карту, которую только вчера сам вывесил вместе с Толстым Жакаимом.

– Уму непостижимо! – сказал он. – Э-то... Это же подлинная сенсация!

Торопливо вошёл ещё один, с маленькими, в пуговку, глазками:

– Друзья, пройдите сюда!.. Сюда! – с порога возопил и сразу увлёл за собой людей, столпившихся у входа, чуть не силком подвёл их к карте.

Ишь, как суетится, старается, шельмец, будто чувствует, что ты затаился где-то рядом. Он тоже, как и толстяк с пузатым портфелем, сообщил всем, что эта карта создана под личным руководством Азима Сулейменовича. Стоило ему увидеть, что кто-то слушает невнимательно, тут же подскакивал к нему, начинал дёргать за рукав. Говорил азартно. И разошёлся настолько, что ему самому, похоже, начинало казаться, будто это настоящие подземные воды, а не всего лишь карта, которую он сам же, вместе с другими работая, вычерчивал разноцветными карандашами на большом и толстом, как воловья шкура, ватмане накануне конференции. Так восторгался, будто на самом деле заплыл в широкие просторы открытых Азимом Сулейменовичем подземных бассейнов и с наслаждением купался в чистой и прозрачной воде, призывая к тому же и остальных: «Идите сюда! Искупайтесь, насладитесь, как и я!»

– Ничего не скажешь, ше-девр! Институт единогласно выдвинул её на Госпремию. И получит, без всякого сомнения! Кстати, где же он сам?

– Не видать чего-то.

– Он у нас такой. Не любит выставляться. Видите, и в этот раз своротил целую гору, а сам остался в тени.

Ты встревожился, увидев, что каратайки³ не очень-то внимали словам учёного с пузатым портфелем. А тот, шустренький, с маленькими зыркающими глазками, похоже, и вовсе раздражал их. Вскоре к ним присоединилось ещё несколько чабанов, и, громко переговариваясь, они всей кучкой двинули к карте. Видно, до их сознания только теперь стало что-то доходить. Разом смолкнув, вытянув шеи, рассматривали карту. Кто-то из них толкнул локтем соседа и поковырял ногтем какие-то синие кружочки на карте, удивлённо цокая языком. Потом взмахнул рукой и, указывая куда-то в сторону, заговорил с жаром... Но ты и его не слышал, однако догадывался, о чём его речь: небось всё о том, что там, в знойной степи, их бабы день-деньской рыщут с пустыми вёдрами, сбиваются с ног в поисках глоточка воды, а оказывается, под ногами у них этой самой воды целое море! Не поленись только, поковыряй малость, – и ударит вверх, забьёт фонтаном упоительная влага! Хочешь – скот пои, хочешь – сам вдоволь пей. А хочешь, иди купайся на здоровье со своими чадами, поскольку, как видите, подземной воды целое море! Хватит не только нам, но и внукам, праправнукам – на многие поколения!..

Ты улыбнулся: что ж, так и должно быть.

Но недолго довелось радоваться.

– А, всё это картопия, брат.

Ты вздрогнул. Резко повернулся на внезапно раздавшийся откуда-то со стороны голос. Его самого ты не видел, но краем глаза успел заметить, как косая

³ Каратайки – буквально «чёрная палка», то есть посох чабана.

тень от взмаха непомерно длинной руки, словно от крыла огромной птицы, упала на карту, на которую ты возлагал самые светлые свои надежды.

* * *

Апырай, откуда взялась эта бестия? Выдумал ещё какое-то там дурацкое слово – картопия. Выходит, наш толстяк неспроста его опасался! Да, так и есть, он своим собачьим нюхом таки учуял... Учуял, что от него можно ожидать неприятностей...

* * *

Как мог, ты всячески старался успокоить себя. На то было у тебя полное основание. Как ни говори, это было... было то-о ещё время. Удача улыбалась тебе, и дела ещё бодро шли в гору. Приехав в институт раньше других, воочию убедился: твоя команда поработала на славу. И карту нарисовали отменно. И вывесили её вовремя. Даже каратайки, которых ты больше всего опасался, и те, вон, ещё до начала схватки, решительно взяли твою сторону. И удача, как говорится, сама шла в руки. Так-то оно так. Но... всё-таки, как понимать внезапное появление этого воистину несуразного черта из такой дали?

Неужели всё это только затем, чтобы выступить? Другое дело, если, скажем, кто-нибудь поперёк дороги ему вставал, мешал заниматься любимым делом. Так нет же, никто не против, ходи себе как прежде, сколько душа просит, ковбаййся на дне и так обречённого моря, собирай жучков, паучков, крыс и мышей, посылай на анализ своему дружку.

Не понимаю, известный во всём институте молчун, из которого обычно клещами слово не вытянешь, вдруг взял да и загорелся выступить перед всеми. С чего... с чего бы всё это? Да ещё придумал какое-то идиотское слово... к а р т о п и я. Тьфу, звучит-то как противно. «Из вонючих уст и слово вонючее».

Тип, конечно, странный. Однажды ранней весной зашёл он к тебе в кабинет. Как ни старался пригнуться пониже, всё же на входе врезался лбом в дверную притолоку. Ты прыснул и, скрывая смех, опустил голову к столу. Как всегда, он не стал церемониться. Едва опустившись на стул, сразу выложил, зачем пожаловал:

– На Арал собираюсь. Прошу командировочные на шесть месяцев.

Тебе было всё равно. Более того, очень даже устраивало, что сомнительный тип будет находиться где-то далеко и желательно подольше. Благо и командировочные не из собственного кармана идут. Потому ты вызвал бухгалтера и, не задумываясь, отвалил ему довольно большую сумму. И этот тыквоголовый верзила, держа целую пачку обеими руками и покачивая её на весу, уставился тебе в глаза, не думая отводить их в сторону. И, всё так же буравя взглядом, спросил в упор:

– Не многовато?

– Детей-то у тебя сколько?

– Двое, – ответил он.

– Сыновья, дочери?

– Сыновья.

– Небось ещё маленькие?

– Да, маленькие.

– Ну, значит, не лишние будут. Семья здесь, а ты там. Здоровье-то как?

Тот вместо ответа вяло махнул рукой:

– Картопия.

– Как?

– Зачем тебе? Лучше не знать.

– Ну, ладно... Я слышал, что твои родители были будто первыми... жертвами... Ну, одни из самых первых... там... у полигона...

Мукан так зыркнул на тебя, что ты осёкся. И, не сказав больше ни слова, встал, круто повернулся и направился к двери – более уверенной и чёткой походкой, чем когда входил.

Перед самой дверью остановился. Видимо, боясь снова зашибиться о прилоку. Постоял, глядя на неё, словно примериваясь. Затем, положив руку себе на шею, силой нагнул голову и вышел вон.

Ты, оставшись один, раздумывал над смыслом только что сказанных слов. Хотя тот... тыквоголовый и обмолвился: «Зачем это тебе?» Ты всё же, став директором института, собрал о нём материал. Можно сказать, был достаточно осведомлён. Знал, например, что он сирота. Вырос в детдоме в одной из областей Южного Казахстана, хотя родом откуда-то из Семипалатинска. Знал также, что отец его был чабаном. Мать тоже была дочерью чабана. Но чабана знатного, победителя соцсоревнования, который что ни год получал сто пятьдесят ягнят от ста овцематок. Дочь его, выйдя замуж за молодого чабана из соседнего района, через год понесла. Однако ребёнку не суждено было родиться здоровым. Он появился на свет с кучей тяжёлых проблем со здоровьем. Через год потерял отца. А потом мать. И с малых лет воспитывался в детдоме. О той поре его жизни в сиротском приюте, где-то на юге, ты достаточно наслышан от близко знавших его людей. По их рассказам, он уже в раннем детстве со своей несуразно большой головой, непомерно длинными, до колен, руками, напоминал скорее детёныша обезьяны, нежели человеческое дитя. Небось и тогда был скрытным, нелюдимым, не водился со сверстниками, всё больше сторонясь людей, замыкаясь в себе, время проводил в основном один, в уединении. Уже в те годы напролёт читал без разбору всё подряд, что попадалось на глаза. Тебе было известно и то, что даже сейчас, в зрелом уже возрасте, нелюдим, не старается завести себе широкий круг знакомых. Кроме Бледнолицего, у него всего несколько друзей... Ещё до твоего прихода в институт он числился аспирантом, потом стал МНС. Кандидатская диссертация будто бы давно готова, но он почему-то всё тянул с защитой, и тут вмешались вдруг в его дело гебешники.

Из-за него и ты чуть не влип. Синеворотники разве станут церемониться! Вот они однажды заявили глубокой ночью и к тебе домой, когда все спали. И ты вскоре оказался в одном из кабинетов огромного темно-серого дома. Стоял перед человеком, который, не поднимая головы, продолжал рассматривать чье-то дело. Много позже, не раз думая об этом, сколько бы ни перебирал в памяти, так и не вспомнил другого такого случая, чтобы ты стоял перед кем-то вот так, долго, на дрожащих ногах! За исключением лишь тех эпизодов, когда тебе приходилось бывать на приёме у Большого Человека. Перед входом к нему дрожали колени. А он, с приветливой улыбкой на лице, кивком головы благоволил усадить тебя в кресло прямо перед собой. Но это в прошлом. А в этот раз сколько же пришлось стоять на ногах! К своему ужасу, ты вдруг почувствовал, что силы тебя покинули. Хотелось присесть. Но ты не посмел, а, касаясь кончиками дрожащих пальцев края стола, слегка опёрся на него.

Наконец гебешник отодвинул от себя папку с чьим-то делом, поднял голову и тяжёлым взглядом уставился на тебя. Ты вмиг выпрямился, отдернул руку от стола.

– Баубек-улы у тебя работает?

– Да... – сказать-то сказал, но, отчего-то испугавшись, поправился: – Он... числится...

- Как понимать – числится?
- Ну-у, он... Да, он работает...
- Где?
- У... у нас...
- По твоему заданию там работает?
- Извините... Имеете в виду, что там... на Арале?
- Да, на Арале.
- Нет! Нет! Что вы... Нет, не я...
- Я спрашиваю, этот твой сотрудник, Баубек-улы, по твоему заданию работает там, в Аральске?!
- Нет, он... он сам... Случаем, он там что-нибудь?..
- Садись! – сказал строго гебешник и, взяв папку, положил её перед тобой. – Читай! Распишись потом, что ознакомился!

О Боже! До чего я был наивен. Не-е-т, близорук, беспечен. Как ты мог давать каждый год командировку и кучу денег этому тыквоголовому, чтоб ему было пусто!

Конечно, ты виноват, но можно ведь понять и тебя. Не по злomu умыслу это сделал. И тут, если разобраться, для тебя интересы института были превыше всего. Ты лишь хотел держать этого неприятного типа как можно подальше от института, чтобы он тут не мутил воду. Так-то, конечно, так, но... Самое главное, поймут ли тебя? Вникнут ли в то, что ты добр и доверчив? Как поймут, как квалифицируют синеворотники?

И по своей доброте и доверчивости думал и даже был уверен, что, находясь там, этот дурачок ничем другим не занимается, как только бродит по берегу усыхающего моря, которому, по твоим расчётам, осталось-то жить-доживать считанные дни. Ведь ты по своей простоте считал, что Аральское море его увлечение... У кого не бывает увлечения, страсти, азарта? А у этого, допустим, такая страсть. Его хобби – бродить по берегу, собирать каких-то там жучков, паучков и мышей. Если такая охота – пожалуйста, ковыряй сколько хочешь. Ковыряй дно околевающего моря, пробуй на вкус его тухлую воду. Нюхай, если это тебе нравится, выросшие на образовавшихся солончаках за эти годы соран-траву и «собачью мочу». Если ты и виноват в чём-то, так разве что... только в том, что ты давно махнул на него рукой, не стал интересоваться, вникать, чем он занимается там. Тебе было всё равно, существует ли он все ещё на свете или его давно уже нет в этом мире. И он так же, со своей стороны, старался не напоминать о себе. Разве что раз в год попросит командировку ранней весной, перед поездкой в Аральск. Я давал... Если честно, из жалости к его детям.

Кто мог подумать, что, приехав туда, он натворит чёрт-те чего. Позволит себе неслыханную дерзость, навлечёт беду и на себя, и на весь коллектив, и, прежде всего, на самого директора института.

Ойбай-ау, неужели ему невдомёк, что остров Возрождения – закрытая военная зона, где уже полвека в глубочайшей тайне разрабатывается химико-бактериологическое оружие, охраняемое войсками особого назначения. И этот осёл, этот кретин, мать его, воспользовавшись тем, что уровень воды упал настолько, что кое-где земля стала уже проглядывать... надо же, этот идиот начал захаживать туда, нарезать круги вокруг острова, собирая разную гадость с сопредельной территории... С самого острова!

- Нам стало известно, что он якобы собирается защищать кандидатскую?
- Да, собирается. Сразу понял вас. Не беспокойтесь, будем бдительны. Примем соответствующие меры.
- Соответствующие, говоришь? – спросил тот, буравя тебя глазами.
- Самые строжайшие. Обещаю.

– Скажите, всё ли в порядке у него с этим? – сотрудник из мрачно-серого дома постучал пальцем себе по лбу.

– На этот счёт и у нас есть сомнения.

– Вот-вот... Глухой – не глухой. Или скорее тупой. Ругаешь – молчит. Пригрозишь – опять молчит, глаз от земли не подымает. Стоит, свесив башку, и молчит. Прогонишь сегодня, строго предупредив, чтобы духа его вблизи острова не было, наавтра, смотришь, опять заявляется. Тогда решили посадить за решётку.

– Правильно, правильно сделали.

– Вот что... Займитесь-ка им... вы сами... лично. Идите.

Ты почувствовал вдруг во всём теле необычайную лёгкость. И ноги, казалось, несли тебя сами, без особого усилия с твоей стороны. Сам не заметил, как при выходе из здания улыбнулся солдату, который стоял у двери. На улице тихо. Город ещё спал. Переходя дорогу, ты оглянулся и увидел огромный тёмно-серый дом, из которого только что вышел. Но не столько сам дом в этот раз привлекал почему-то твой взор, а множество его узких, как бойницы, окон. Они, эти окна-бойницы, будто смотрели тебе в спину, и ты быстро отвёл глаза в сторону и с неким беспокойством в душе убыстрил шаг.

* * *

Люди находились ещё в фойе. Мукан не стал задерживаться у карты, где, обступив лысого профессора с толстым портфелем, стояли чабаны, которые приехали на этот форум водников с далёких отгонных пастбищ. Мукан прошёл в зал, где было совсем пусто. Уселся в первом ряду, чего раньше себе не позволял. В тот день Мукан чувствовал себя на редкость хорошо.

Вчера весь день провёл в кругу семьи. Если отцовское сердце не обманывало, за лето, пока он отсутствовал, дети заметно выросли.

Жена, несказанно обрадованная неожиданно скорому возвращению мужа, птицей слетала на рынок. Обычно она, тихая, немногословная, не так уж резва. Её присутствие в доме почти не ощущалось. Но сегодня, едва переступив порог, она, оживлённая и радостная, сразу принялась готовить обед. То и дело, улучив минутку, прибегала к мужу и, усаживаясь рядом, принималась рассказывать, как в его отсутствие в самый разгар летнего зноя сняла комнатку в горах у старухи с дойной коровой, но тут, вспомнив, должно быть, про бульон на огне, вскидывалась и убегала, и тотчас возвращалась назад. Выгерева руки о край передника, с нескрываемой гордостью вновь принималась повествовать про то, что за лето, пока жили там, в горах, младшенький, чернявый, любимец мужа, так пристрастился к айрану хозяйки, что весь день только и пил его. «Ах ты, щеночек», – умилённо рассмеялся Мукан.

Когда бы ни приходилось ему вспоминать о своей жене, он всегда думал о ней как о даре Всевышнего, выпавшем на его долю в самый светлый день жизни. Казалось бы, столько лет замужем, мать двоих детей, но всё равно до сих пор – вот хотя бы только вчера, когда он после долгого отсутствия вернулся наконец домой, и они после ужина, потушив свет, легли рядом, бок о бок, касаясь друг друга телами, – и даже тогда, как и в первую брачную ночь, девичий стыд продолжал сковывать, сдерживать её, не позволяя дать волю чувствам.

Мукан, вспоминая об этом, как всегда, растрогался, покачал головой. И тут в зал вошли, переговариваясь, сразу несколько человек.

– Вот кто, оказывается, заявился сюда!

Сказав так, человек с гнусавым голосом поспешно покинул зал. Мукан, даже не оборачиваясь на голос, узнал того лысого профессора, который только

что, стоя возле карты, морочил голову чабанам. Он был одним из тех, кто не упускал случая всячески подтрунивать над Муканом, называя его то «наш институтский шимпанзе», то «тыквоголовый».

Мукан осознавал про себя, что сам тоже тот ещё фрукт – вечно лезет на рожон. Ну, что стоило ему подальше спрятать свой идиотский норов. Зачем цепляться к ним, к этим подонкам, задевая их за живое, шпынять, куснуть как бы побольнее? Хотя бы сегодня, до своего выступления, на которое поставил всё, мог бы попридержать язык. Так нет, и в этот раз чёрт его попутал, подвела, как всегда, неотвязная детдомовская привычка вставлять, надо не надо, это нелепое словечко «картопия».

Мукан не сомневался, что плешивец с учёным званием не замедлит донести до слуха своего благодетеля о его, Мукана, пренебрежительном, если не оскорбительном, отзыве при этих чабанах.

«Ну и ладно, – подумал Мукан, – чёрт с ним». Если честно, он на дух не переносил этого холёного красавчика. Почти сразу, с первого взгляда, когда тот пришёл в институт директором, учуял в нём фальшь и лицемерие. Даже тогда, когда зашёл к нему за командировочными, разве он от души интересовался твоим здоровьем и трагической участью твоих родителей? Разве мог он проникнуться участием в судьбе какого-то там маленького человека?

Если на то пошло, многим ли на свете ведома жизнь одинокой семьи чабана посреди безлюдной степи?

Да, что и говорить, судьба Мукана никогда не щадила. Его отец, молодой чабан, каждый день спозаранку выгонял отару в степь, а жена его на сносях с утра и до вечера томила одна. До полудня, хлопоча по хозяйству, кое-как перемогалась, а с обеда до самых сумерек, пока муж пригонит отару, не знала, куда девать себя от скуки. Нежная, хрупкая, сама ещё почти ребёнок, будущая мать тяжело переносила это беспредельное одиночество в беспредельной степи, когда за весь день не с кем словом перемолвиться. Даже пастуший пёс и тот на весь день уходил вместе с отарой. После полудня, потеряв всякое терпение, она то заходила в юрту, то снова выходила из неё и, стоя у входа, подолгу уставлялась беспокойным взглядом в пустынную даль безмолвной степи, откуда обычно возвращалась отара...

С каждым днём уже семимесячному ребёнку в её чреве словно становилось тесно. Подавая признаки жизни, он всё чаще и чаще ворочался и толкал ножками в бок матери, то с одной стороны, то с другой.

В тот день отара не вернулась в обычное время. Солнце уже закатилось, пали густые сумерки, а мужа всё не было. Встретившись пастушка, охваченная внезапным тёмным страхом, порывисто вскочила и выбежала из юрты. И сразу же, как только переступила порог, – резкая, сильная боль скрутила ей живот, и она осторожно, без сил опустилась на корточки, упёрлась обеими руками в землю. Отёрла ладонью лоб, на котором выступила холодная испарина, и, собирая силы, закрыла глаза. Потом медленно выпрямилась и откинулась спиной на стену юрты, всем телом навалилась на неё. Голова всё ещё кружилась. Крепко зажмурившись, старалась прийти в себя. И тут что-то влажное и тёплое лизнуло её в щеку. Она вздрогнула, открыла глаза и увидела перед собой морду лохматого пса, который прибежал к дому раньше овец и теперь ластился к ней, не зная, как ещё выразить радость, переполнявшую его верное собачье сердце.

Вскоре и овцы показались. Муж, прислонив палку к юрте, подошёл к ней.

– Почему припозднился так? – только и спросила измученная ожиданием жена.

– Знаешь, здорово повезло сегодня, – отвечал муж, – нашли выпас с сочной травой, совсем не вытопанной за лето. Овцы так дружно на неё налегали, ну, я и решил – пусть бедняжки вдоволь насытятся.

– Всё же... пожалуйста... возвращайся домой пораньше.

Никто уже никогда не узнает, догадался ли молодой наивный пастушок, что крылось за этой тихой тревогой его юной жены. Он немного побыл рядом с нею, потом встал, отправился устраивать скотину в загон на ночлег. Жена же его всё ещё не могла успокоиться, потом с трудом, пересилив себя и еле волоча ноги, зашла в юрту, вынесла оттуда маленькое жестяное ведёрко для дойки овец. Во всей отаре одна-единственная овца со спокойным нравом, рано потерявшая ягнёнка. К ней-то и привязалась юная пастушка, выросшая в доме чабана, с младых ногтей была она привычна к скотине, умела делать всё, чему научила мать. Вот и сейчас пристроилась сбоку к овечке, обмылив, как обычно, ей соски и ласково приговаривая: «Ну, миленькая, хорошая моя», – приступила к дойке. В следующее мгновение со священным словом «бисмилля» коснулась овечьего вымени и, ласково сжимая мягкий сосок, потянула его вниз, и первая струйка молока дзинькнула о доньшко ведёрка... Второй раз она уже сделать это не успела. Внезапно всё небо осветилось ярче солнца, мир будто раскололся на куски от невероятного грохота, и вместе с этим земля пошатнулась, словно разверзая свои бездны. Пастушка упала головой на мягкий овечий бочок, и сознание покинуло её.

Муж её, овечий пастух, находился в этот миг по другую сторону тесно сгрудившейся отары. Свет адский ожёг глаза, грохот вселенский оглушил его, и он рухнул на колени, зажимая руками уши. Перед ним вся восточная сторона безлунной ночи вспылала ослепительным, неимоверно ярким светом, – и в глазах человека земля рванулась к небесам гигантскими волнами огнедышащего пламени. О боже, каким-то чудом слабенький человеческий крик пробился к нему сквозь адский пламень. Не помня себя, не ощущая своей жизни, он побежал, спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, на этот крик, и вскоре держал на руках своего первенца, только что появившегося на свет. Одной рукой прижимая к груди младенца, другой придерживая жену, чабан приволок свою умножившуюся семью к юрте.

Говорят, после этого случая он ослеп на оба глаза. А через год будто его не стало. Двумя годами позже умерла и жена чабана. Таким образом трёхлетний младенец, родившийся семимесячным, остался круглым сиротой. Спустя месяц после смерти матери явилась бедно одетая женщина и, взяв его за руку, повела куда-то. В кромешной тьме сели в грязный, вонючий вагон. Следом толпой повалили люди с узлами, котомками и мешками за спиной. В такой тесноте и давке трудно найти место, чтобы стоять, не то что сидеть, вытянув ноги. Грохоча и скрежеща, поезд шёл, шёл... и днём, и ночью, пока, наконец, не доставил в какой-то город на краю земли. Там, где женщина и младенец садились на поезд, ещё царила белая буранная мгла, а в той стороне, куда они добирались столько дней на поезде, стояла тёплая погода, и небо было ясным, и земля уже цвела, распустив листья фруктовых деревьев.

Когда они сошли с поезда, женщина опять взяла малыша за руку и привела к облезлому двухэтажному дому на окраине города. Как внутри этого двухэтажного дома, так и во дворе копошились такие же, как маленький Мукан, все до единого тощие, невзрачные на вид ребяташки с торчащими из серых казённых рубашек тоненькими шейками. Все они замерли, уставясь на Мукана. Мукан тут же пугливо отвёл от них глаза и спрятался за подолом женщины. Та обняла мальчика, долго сидела, прижимая к груди, потом тяжело вздохну-

ла и, не задерживаясь, быстро ушла. Уходя, разок-другой со слезами на глазах оглянулась на Мукана.

После этого прошло немалое время. Вся жизнь маленького Мукана проходила среди этих ребятишек. Хотя Мукан был самым младшим из всех, но сразу бросался в глаза, выделяясь своей несуразно большой головой на непомерно длинной тонкой-тонкой шее и тощим, непомерно длинным телом. Всякий встречный человек, пройдя мимо, непременно оглядывался на него. Все, кроме ребятни детдома, жалели мальчика. Больше всех жалели воспитательницы, которые каждый вечер перед сном подходили к его постели, чтобы укрыть одеялом и посидеть возле него, а потом, смахнув слезинки краешком платка, молча уходили. С самого рождения у слабого здоровьем малыша часто поднимался жар, доводя до изнеможения, так что порой он оказывался на волосок от смерти. Позже, вспоминая те дни, Мукан удивлялся, что сумел выжить и дожить до теперешних дней. Кто знает, может, Всевышний ниспослал на него Свою Благодать или хранили его аруахи – духи предков, а может быть, – свет неизбывной любви рано ушедших из жизни матери и несчастного отца, погибшего пастыря овец? Но, что бы там ни было, когда он вспоминал детдомовские годы, прежде всего в его сознании всплывали образы воспитательниц, которые перед сном поправляли на нём одеяло, выражая, как ему казалось, ту теплоту, ту заботу, которая может исходить только от материнского сердца.

Зато маленькому Мукану приходилось постоянно сносить издевательства одного смуглого забияки, постарше его на несколько лет. Неизвестно почему, но этот задира с первого же дня пристал именно к нему. Чуть завидев мальчика, начинал дразнить: «Эй, откуда такое чучело прискочило? Это же симапор! Настоящий симапор! Ну-ка, давай, подними руку!» При этом он так ликовал, как будто наконец нашёл себе лучшую забаву, которой можно развезать детдомовскую тусклую скуку. Хлопая себя по тощим бёдрам, мальчишка радостно припрыгивал на месте. Донимал Мукана без конца, все дни напролёт.

Время послевоенное, жить было тяжело. Быт налаживался с трудом. Мяса почти не видели. Продуктов не хватало. Детям вместо мяса давали картофель, который в детдоме называли «картоп». Да и картошку большей частью пользовали или мёрзлую, или подгнившую. Повариха, как и воспитательницы, жалела маленького Мукана и всегда подкладывала в его миску картошку лучше. Зная это, мучитель маленького Мукана постоянно подсаживался к нему и никого близко не подпускал. Скверно усмехаясь, подмигивал сидевшим за столом ребятишкам и отбирал у Мукана миску.

– Это картоп. Ну-ка, скажи: «картоп».

– Кал-топ, – картавя, повторял Мукан.

– Правильно, – озорник похлопывал мальчика по спине, а потом, ударив себя в грудь кулаком, говорил: – И я тоже картоп. Поэтому, как картоп, я буду кушать картоп. Понял? – И хлопал Мукана оловянной ложкой по лбу.

У Мукана выступали слёзы, начинали дрожать губы так, что, казалось, скажи ему кто-нибудь ещё хоть слово – он тотчас заревел бы во весь голос. Гадкий забияка тем временем ставил перед Муканом свою тарелку с мёрзлой, разваренной до полужижки картошкой.

– А это не картоп, а картопия. Ну, скажи «картопия», – вновь приставал он к мальчику.

– Кал-то-пи-а...

– Правильно. Ты – тоже картопия. Ну, давай, говори.

– Ты-ы...

– Ой, дурак! Не я, а ты... Ты – картопия. Ну, говори!

– Калтопи-иа-а...

– Правильно. А картопию кушает картопия. Понял?

Малыш кивал головой. Повисшая на ресницах слеза срывалась и падала в миску... С того дня и вплоть до самого поступления в ФЗО задира непременно трижды в день во время еды заставлял маленького Мукана повторять нелепое слово «картопия», и оно намертво впечаталось в сознание. Настолько, что, уже повзрослев и возмужав, он так и не избавился от него.

* * *

Апырай, где и в чём ты дал маху? Не в том ли вся беда, что, забыв свою обычную осторожность, стал слишком самоуверенным? А ведь прежде, что бы ни замыслил, ты заранее, заблаговременно взвешивал, рассчитывал пользу и вред от затеянного. Да, что ни говори, в этот раз тебя бес попутал. Может, дал маху там, на конференции у водников?.. Не-ет! Нет, тогда промашки не было. Наоборот, тогда всё вышло в точности так, как ты сам и задумал.

...Ещё поднимаясь в президиум, мимоходом окинув зал взглядом, ты заметил, что Толстый Жакаим предусмотрел и тут: всех, кто должен был выступать в прениях, усадил в первом ряду. Среди них ты заметил шустрого кандидата наук с маленькими зыркающими глазками, который уже сейчас нетерпеливо ёрзал на месте. И весь второй ряд тоже занят твоими людьми. Ты знал: хотя они не должны выступать, но станут поддерживать аплодисментами выступления своих. Противоборствующая сторона тоже не будет бездействовать. И с той стороны найдётся не одна горячая голова, готовая, поплевав на руки, ввязаться в потасовку...

А этот несуразный тип, которого ты опасался больше всех, сидел в первом ряду, прямо напротив президиума. Что у него на уме? Что кроется за этим мерзким словечком «картопия»?

Докладчик из своих. После него предусмотрено два или три выступления преданных тебе людей. Толстый Жакаим обычно выпускал первыми тех, кто умел говорить зажигательно. Ты одобрял это и предоставил первое слово шустрому кандидату. До трибуны тот добрался чуть ли не бегом. Заговорил с пафосом. С первых же слов гневно обрушился на какого-то мифического злодея, которого ты и знать не знал. Быть может, не знал его и сам оратор.

– Из года в год идёт ускоренный процесс потепления на нашей планете, усиливается засуха, весь мир выгорает от пожаров. И в это тяжёлое для всех людей время, в особенности для населения Приаралья, которое находится на краю гибели, великий учёный нашей эпохи академик Азим Сулейменович открывает подземный бассейн...

Тут кто-то выкрикнул из глубины зала:

– Море! Говори – море!

– Да, море! Безбрежное море! В будущем народ так и назовёт: «Море академика Азима Сулейменовича»!

И тут он, выбросив вперёд правую руку, резко оборвал речь и замер. Про себя, видимо, почувствовал, что явно переборщил. Однако не смутился. Наоборот, стал напирать ещё сильнее, вдальбывая в головы сидящих в зале то главное, что и было необходимо вдолбить: «карта Азима», «море Азима...».

– Довольно, хватит! Регламент! – решил ты приостановить чересчур ретивого оратора.

Видно, голос твой прозвучал не очень требовательно. И этот шельма понял сразу, что можно пропустить твоё замечание мимо ушей. Оу, почему он должен слушать, если ещё никто не встречал ни одного начальника, которому стало бы

дурно от похвал? Наоборот, чем больше превозносишь начальство, тем жирнее оно лоснится, как раскормленный конь: льстивая хвала что торба с овсом, надетая на голову коня.

Шустрый кандидат лишь ухмыльнулся. «Дорогой мой, – явствовала его ухмылка, – ты перед народом проявляешь достохвальную осмотрительность, прямо по пословице: “Даже пёс, прежде чем заглотнуть кость, должен заранее прикинуть в уме, как её потом отрыгнуть”. Но нет, Аз-ага... Мы тоже кое-что соображаем... Стоит после меня выступить двум-трём твоим приспешникам, которые подхватят и повторят мои слова, этого будет вполне достаточно. И плюнь мне в глаза, если те же самые слова не начнёт повторять вслед за нами весь народ: “карта Азима”, “море Азима”».

Когда шустрый кандидат, завершив своё выступление, пошёл в зал, чья-то рука взяла тебя под локоть. Но ты не оглянулся, продолжал сидеть, прямой и бесстрастный, сохраняя невозмутимый вид. Тогда та же рука с мягонькой, словно ступня верблюжоночка, мясистой ладонью выразительно стиснула твою руку:

– Поздравляю. Теперь уже никто не станет оспаривать...

– Не спеши... А тот?..

– Кого имеете в виду? Вон того, что ли? – И, покосившись взглядом, указал на Баубека-улы, сидящего в первом ряду.

– Да, того...

– Не давайте ему слова. И баста!

– Нельзя...

– Тогда, Аз-ага, в самом конце...

– Ну, ладно... Всё. Кончай!

Едва шустрый кандидат сошёл с трибуны, на неё тут же взобрался учёный с пузатым портфелем. Ты знал, что его речь не уступит словесам предыдущего оратора, если не превзойдёт их.

Лишь одного боялся: как бы он, начав во здравие, не кончил за упокой... А тот мягко обрушил на трибуну свой пузатый портфель. Щёлкнув замком, открыл его. Потом стал что-то искать в портфеле, набитом ворохом бумаг.

– Профессор, вы будете говорить? – нетерпеливо выкрикнул кто-то из зала.

– Лично я не видел человека, который поднялся бы на трибуну и сошёл, не сказав ничего, хо-хо-хо! – отшутился профессор.

Наконец нашёл то, что искал: оказалось, это были очки для чтения. И вот он заговорил. И почти слово в слово повторил сказанное предыдущим оратором...

Профессор протёр ладонью лысину, на которой выступили блестящие бисеринки пота, прокашлялся, затем продолжил:

– И мне не совсем понятно, почему подземное море, открытое академиком Азимом Сулейменовичем, не использовать срочно, уже в этой пятилетке? Почему правительство не выделяет денег?!

Ты вскочил с места и грохнул кулаком по столу:

– Профессор! Профессор! Хватит, садитесь! Вы исчерпали регламент. И потом: кто-кто, а вы-то должны знать, как непросто было найти нам подземную воду. Но коли нашли, то уже торопиться ни к чему. Если даже не успеем её использовать сегодня, так в будущем наши потомки её возьмут. И скажут нам спасибо.

– Я вас уважаю, Азим Сулейменович, но согласиться с вами не могу. Потомки сами должны позаботиться о себе. А мы тут зазря подземное озеро... Вами открытое...

– Море! Море! – снова поправили из зала.

– Согласен. Море, открытое обожаемым всеми нами академиком, не используем... тормозим...

Народ в зале заволновался...

– Куда смотрит Большой Человек? Вредителей надо строго наказать!

Ты вновь вскочил с места, снова пристукинул кулаком по столу:

– Иди!.. Идите, сядьте на место, профессор!

Минуту спустя успокоился. Перед тем как объявить перерыв, оглядел зал и, постукивая карандашиком по столу, сказал уже с достоинством:

– Мы должны жить не сегодняшним днём. Надо думать и о завтрашнем. Поверьте мне, товарищи, подземные воды, открытые нами, особенно нужны будут потом, когда построим коммунизм!..

Уже было тебе известно, что вы победили. Вон, гляди, каратайки, которых ты больше всего боялся, решительно перешли на твою сторону: стоило только кому-нибудь сказать доброе слово про карту академика Азима Сулейменовича, они дружно аплодировали, радуясь, как малые дети, заранее предвкушая, будто из этих разноцветных кружочков и завитушек на карте вот-вот ударит не просто вода, а фонтан божественного щербета.

Во время перерыва люди окружили тебя. Пожимали руку. Поздравляли. Особенно радовались эти страстотерпцы зноя и жажды, которые родились и поныне живут там, в безводных степях.

– Прости, айналайын, – прослезился пожилой чабан, – овцы переносят жажду хуже, чем малые дети. Если бы ты видел, сынок, как они несутся к высохшему колодцу, бляя, опалев от жажды. Потом, толкая, давя друг друга, припадают к рассохшемуся корыту. Не могу видеть их муки. Вместе с ними мучаюсь сам. Места себе не нахожу. В отчаянии и Бога клянёшь. И власть заодно...

Ты быстро заозирался по сторонам. Затем строго глянул на бестолкового чабана, который вытирал слезы.

– Хватит! Больше не произноси таких слов.

И в тот раз проявил бдительность. «Так где... где же ты мог дать маху? И в чём?..»

Продолжение в № 2, 2025.

Ежегодная литературная премия

MECENAT.KZ

за лучший роман

о современном Казахстане

начинает приём рукописей

на русском и казахском языках.

Срок подачи до 15 марта 2025 года.

Подробную информацию вы можете узнать

на сайте www.mecenatkz.com